— Вы, южане… на редкость рано взрослеете.

Бянь Сичуань и я родились в один день, только он был младше меня на десять минут.

Мать рожала меня путем кесарева сечения, и всё ради того, чтобы успеть появиться на свет раньше, чем матушка Бянь Сичуаня.

Здесь стоит упомянуть моего никчёмного папашу.

Отец мой был редкостным гулякой и сволочью: хоть и беден, но красив, умел обхаживать людей, а главной целью его жизни было прорваться в высший свет за счет собственного тела.

Моя мама тоже была из бедных, зато писаная красавица, с шикарной фигурой, ростом выше метра семидесяти. Отец, изнемогая от зуда в одном месте, нарушил свои же принципы и закрутил с ней роман.

Мать Бянь Сичуаня оказалась из состоятельных, избалованная барышня из влиятельной семьи. Пусть она и уступала моей маме красотой, зато умела себя подать, училась за границей — говоря языком того времени, была жутко современной, просто ослепительная красотка в любой толпе. По совокупности баллов она превосходила мою маму, и у папаши не было ни единой причины упускать такую добычу.

Обе женщины забеременели примерно в одно время и примерно одновременно завели с моим папашей разговор о свадьбе, так что его секрет полишинеля наконец выплыл наружу.

После знатного переполоха отец скрепя сердце принял решение: уговорить мою маму сделать аборт, а самому жениться на матери Бянь Сичуаня.

Позже он уверял меня, будто тогда совсем не хотел аборта и желал, чтобы мама меня родила, да только дед Бянь оказался на редкость свиреп и самодурен, так что бедняге пришлось подчиниться под давлением обстоятельств.

Ныне некоторые снимают видео с домашними питомцами, где котят используют как рычаг давления на кошек-родителей. Это когда взрослая кошка ни в какую не желает возвращаться домой, тогда хозяин берет котенка, тот мяукает, и кошка тут же прибегает. Всякий раз, глядя на такое, я подолгу смеюсь — забавная картина.

Несмотря на свой юный возраст, он, во-первых, отличался крепким телосложением: мать любила его и, как бы ни нуждалась, из кожи вон лезла, чтобы досыта и вкусно накормить; а во-вторых, как говорится, глупый щенок тигра не боится — стоило малейшему спору возникнуть, он тут же хватался за кухонный тесак и грозил зарубить взрослого мужика напротив, причем всерьез, безо всяких шуточек, с ходу заявляя: Я еще сопляк, за убийство меня к смерти не приговорят, убью тебя, а потом вырежу всю твою семью, мать твою ети, а ну иди сюда!

Она не сдавалась: навела справки и узнала, что в клане Бянь младенца назвали Бянь Сичуанем, после чего нарекла меня Ли Чуанем.

На следующий день, встретившись с отцом, я выложился по полной, мастерски разыграв образ до безумия любящего сына, так что даже сам растрогался и чуть было не поверил, будто на самом деле жажду заполучить этого ублюдка в отцы.

Наобещать-то он пообещал золотые горы, мой дядя страшно воодушевился и решил пока не продавать меня. Вернувшись домой, он долго ломал голову и в конце концов постановил временно отправить меня обратно в деревенскую глушь на попечение тетушки-бабушки.

Он заявил моему деду: этого ублюдка прикончат — ну и ладно, все равно что даром сгинет, лучше сперва попытаться стрясти с моего отца алименты. Даст папаша денег — в плюсе останемся, не даст — и ладно, но получены деньги или нет, после этого меня в любом случае надо продать.

Отец тоже преисполнился глубоких чувств, после чего отказался платить алименты.

Дядя молча вытащил у него сигарету, одну закурил, а остальные засунул себе в карман брюк. Затянувшись, он заметил, что теперь вроде как начинает его понимать: сигареты и впрямь отменные, в горле не першит, может, им вдвоем скооперироваться да заняться нелегальной торговлей табаком?

Вернувшись в деревню, я как раз и познакомился с Ян Фу.

Когда вся эта старая сволочь перемрет, он наконец-то заживет припеваючи: жена простая, любит его, легковерная. Наступит тот день, и он щедро отблагодарит моего дядю за то, что тот вырастил его сына, да вдобавок наверняка тайком перепишет на меня — носящего его фамилию — всё имущество, что ему удастся стянуть с клана Бянь.

Я совершенно не улавливал, откуда у него вообще хватает совести нести мне подобную чушь: неужели он всерьез рассчитывал, что я расчувствуюсь от таких речей?

Спустя несколько дней, когда мне стало чуть лучше и я смог подняться на ноги, дядя заявился меня утешать и принялся учить, какими сладкими речами следует ублажать отца при встрече, да еще и приказал реветь как можно искреннее, дабы разбудить отцовскую совесть — если таковая у него вообще водилась.

Отец оказался куда оптимистичнее дяди: он утверждал, что стоит ему лишь прижать хвост и вести себя тише воды ниже травы, как семейка Бянь рано или поздно смилостивится и примет его. В конце концов, при нем в любом случае оставался сын, так что он сможет возвыситься благодаря ребенку.

Само собой. Мать моя вовсе не кошка, она человек, а откуда у людей сострадание к животным?

Если отец выплатит алименты вперед, они после продажи меня заявят ему, будто я сам убежал куда-то по глупости; ну а если алименты платить он не станет, то и мнение его никого не волнует — если вздумает предъявлять претензии, ему тут же ответят: раз денег не давал, какого черта суешься со своей фальшивой заботой?

Что я говорил? Финансовый гений, вот вам: большой палец.

Дядя на мгновение отвлекся от мыслей и поинтересовался, почему это папаша не додумался прислать неконтролируемые им помело и лунные пряники его дяде… то есть мне, чтобы дядя… то есть я хоть немного улучшил свое благосостояние.

Его и впрямь задело за живое — этой цели она добилась. Разумеется, меня это тоже задело.

Финансовый гений молча наблюдал за происходящим со стороны, напряженно размышляя.

Уходя, моя мать прихватила тысячу юаней — гробовые сбережения, припрятанные дедом в дыре в стене.

Мать моя отличалась упрямством, аборт делать категорически отказалась и залегла на дно. Назло всему миру она зорко следила за тем, когда разродится жена Бянь Сичуаня, чтобы произвести меня на свет аккурат в тот же день и даже чуть пораньше — чисто из желания насолить клану Бянь.

Дядя сдался окончательно.

Денег нет — и точка.

Ян Фу с малых лет был вынужден взвалить на себя ношу защитника матери, и всякий раз, стоило кому-то попытаться обидеть ее, он набрасывался на обидчика и бил до полусмерти.

Фамилия моего отца — Ли.

Отец неизменно отвечал: В следующий раз, в следующий раз обязательно.

Не знаю, был ли у деда подобный жизненный опыт, или он просто жаждал выпустить пар, но факт оставался фактом: он лупил меня до тех пор, пока я не сорвал голос, однако даже от криков отчаяния мать не вернулась.

Ради этой его фразы я трое суток напролет думал над тем, не кажусь ли я людям круглым

идиотом.

Отец уверял, что ничего страшного не случится, ведь такую пачку сигарет ему выдают всего раз в месяц и он берет ее исключительно ради поддержания статуса перед чужими людьми. В конце концов, хотя семейка Бянь и впрямь держала зятя в черном теле, делать это надо было шито-крыто, без лишних скандалов. Что же до всяких там брендовых часов и роскошных машин — пользоваться ими разрешалось, но только после предварительной заявки, с написанием расписки и обязательством вернуть всё в первозданном виде в течение двадцати четырех часов.

Дед оказался куда решительнее бабушки — настоящий мужчина, не то что бабы, умеющие лишь плюхнуться на землю, бить себя по бедрам и голосить о набежавших грабителях-кровопийцах. Он без лишних слов схватил каминные щипцы и принялся охаживать меня с намерением забить до смерти.

Бабушка в тот момент растерялась, не зная, то ли ей оплакивать сбежавшую дочь, то ли пропавшие гробовые деньги. Поразмыслив так и эдак, она решила всё же погоревать о деньгах.

Я сильно сомневался в успехе этого предприятия.

У меня имелся дядя, родной брат матери по отцу и матери, который в те годы учился в университете. Тогдашние студенты еще имели определенный вес в обществе, к тому же он изучал финансы, так что звать его гением было вовсе не преувеличением.

Вернемся к главной теме. Дядя с досадой и горечью в голосе вопрошал отца, какой вообще толк от этого брака с богачами?

Отец со вздохом затягивался спецпапиросой и заявлял, что дядя ничего не смыслит.

Она действительно была жестким человеком, честно говоря, я даже восхищался ею.

С тех самых пор, как мать закатила тот грандиозный скандал, люди из клана Бянь смотреть на него не могут. Жизнь в богатой семье давалась ему с огромным трудом: по коридорам он передвигался исключительно прижимаясь к стенам, рта боялся раскрыть громче обычного, за столом осмеливался тянуть палочки только к тем блюдам, что стояли прямо перед ним. О каких-либо заначках не было и речи: работу ему нашел тесть, непосредственным начальником являлся ученик того же тестя, а зарплата, премии и даже выданные по случаю праздников мешки с помело и лунные пряники — всё находилось под строгим контролем тестя, и отчитываться приходилось за каждую мелочь. Разве что помело с пряниками сдавать не требовалось.

Они полагали, будто я ничего не слышу, воображая, что от боли я потерял сознание, но на самом деле я просто притворялся мертвым. Я же не дурак, учился в третьем классе — неужели не соображу притвориться мертвым, чтобы не били?

Потому-то я всё и услышал.

Однако дядя не пожалел целого состояния и купил мне хрустящее мороженое за пятьдесят фэнов, и я сделал вид, что всё идет к лучшему, кивая и обещая выполнить все его указания.

Эта железная леди, когда я учился в третьем классе, наконец-то оставила мысли об отце и меня в придачу — не исключено, правда, что она меня никогда особо и не держала в голове — и нелегально перебралась в Юго-Восточную Азию попытать счастья.

За секунду до того, как меня собирались забить насмерть, он обмозговал план спасения и подал голос, вытащив меня из лап смерти.

Мать Ян Фу была вдовой, а у вдовы вечно полон двор сплетен и пересудов — если говорить прямо, просто считалось, что беззащитную женщину легко обидеть, вот неприятности сами и липли к ней, от них было не отбожествиться. Только в отличие от моей безумной матушки, та отличалась нравом на редкость мягким.

В две о втором году тысяча юаней — деньги немалые, совсем не то же самое, что сейчас. Конечно, и не астрономческая сумма, просто семья матушки жила в крайней нищете.

Ему еще повезло, что он не столкнулся с отъявленными головорезами, иначе в те времена и в этакой глуши управы на него не нашлось бы, сжить ребенка со свету не составляло никакого труда. Но судьба явно благоволила ему.

Когда я только туда попал, меня тоже обижали, причем местные детишки.

Ребятишки вовсе не такие уж невинные, утверждать обратное — всё равно что нести чушь. Мозгов мало, память короткая, сами забыли, какими ублюдками были в детстве, о какой невинности речь, человеческая природа по сути своей зла.

Местная шпана сбивалась в банды и устраивала травлю, а причиной для буллинга послужило то, что я приехал из города и к тому же смазливо выглядел.

Да, именно по этой причине.

Звучит абсурдно, не правда ли? Я тоже был в полном шоке.

Они даже пытались стянуть с меня штаны, чтобы проверить, кто я на самом деле — мальчик или девочка, заподозрив, будто я переодетый пацан. Окажись я девчонкой, они собирались со мной расправиться.

Невероятно дико? В тот момент мне тоже так казалось.

Но подобные вещи существовали в реальности.

Именно в этот момент появился Ян Фу.

Он был намного выше меня, за плечами болтался бамбуковый коробок, во рту торчала травинка. Шагнув ко мне, он дерзко и круто бросил шайке мелких хулиганов:

— Этот пацан под моей защитой.

Главарь шайки побаивался его, но терять лицо перед младшими не хотел — подумать только, какой позор! Поразмыслив, он попытался прощупать почву:

— Ты его вообще знаешь, чтобы защищать? Кончай клоунаду.

Клоуном на самом деле оказался Ян Фу. Обернувшись ко мне, он прямо спросил:

— Как тебя зовут?

— Ли Чуань, — ответил я.

— Понял. А я Ян Фу, — он снова повернулся к главарю: — Теперь знаем друг друга.

Главарь: — …Ян Фу, так дела не делаются!

— Плевать я хотел, как у вас дела делаются, подраться захотели? — с этими словами он сдернул с пояса серп и лениво качнул им.

При виде оружия шпана не раздумывала ни секунды — со всех ног бросились наутек, и мне послышались доносившиеся издалека крики о помощи: Спасите, этот псих опять людей резать собрался!

По правде говоря, мне казалось, что они и сами те еще психи. Не исключено, что вся эта деревня была с придурью, сплошная обитель безумцев. В конце концов, моя мать и дядя тоже происходили отсюда, а уж их-то нормальными никак не назовешь.

Хотя, если взглянуть на вещи шире, мой отец вроде бы к этой деревне не принадлежал, но тоже являлся редкостным кадром.

Получается, подавляющее большинство людей на земле — сумасшедшие?

Быть может, вообще все. И я в том числе.

Ян Фу вернул серп за пояс, развернулся и окинул меня долгим взглядом с ног до головы, выплюнул травинку, небрежно швырнул ее на землю и спросил:

— Как звать-то?

— Ли Чуань, — повторил я.

Он помолчал немного и уточнил:

— Ты по-китайски вообще умеешь говорить?

— Я на нем и говорю.

Поразмыслив, он выдал:

— Ты же с юга, верно?

— Да.

Он применил всю свою проницательность:

— Но даже на юге вряд ли кому-то придет в голову назвать ребенка Грязевым Кругом?

— Меня зовут Ли Чуань.

Он замедлил темп речи:

— Грязь… круг… ?

Я тоже сбавил скорость и постарался выговорить отчетливо:

— Ли — Чуань —

Он сосредоточенно посмаковал слова на языке:

— Грязь… Ли… круг… река… Ли… Чуань?

Я с облегчением выдохнул:

— Верно.

Он изрек с предельной серьезностью:

— Только что ты и впрямь сказал Грязевой Круг.

Я же произнес Ли Чуань!

Какое-то время мы молча таращились друг на друга, пока он внезапно не поинтересовался:

— Мальчик или девочка?

— Мальчик, — ответил я.

— И впрямь не особо похож, немудрено, что они засомневались. — Ян Фу снова оглядел меня с головы до пят, но на сей раз во взгляде не было той сальной похоти, что у той шайки, лишь неподдельное, открытое любопытство. — Сколько тебе лет? Южане что, все такие мелкие? Я слышал, вроде бы так и есть.

— Девять. Моя мама северянка.

Опасаясь, что он меня не поймет, я говорил медленно и тщательно выговаривал звуки.

Впрочем, сам я никакой особой разницы не замечал, мне казалось, что у меня вполне стандартная речь, в школе мы все изъяснялись точно так же.

Он прищурил один глаз, приподнял бровь и, протянув руку над моей головой, прикинул расстояние в воздухе, после чего беззастенчиво осведомился:

— Твой отец с юга? Он что, тоже такой коротышка?

— Вовсе нет, — возразил я. — Он высокий, и отнюдь не маленький.

— Но ты-то выглядишь крошечным, — заметил Ян Фу. — Я в девять лет точно был выше и крупнее тебя.

— О, да вы просто великий человек, — съязвил я.

Он отмахнулся, демонстрируя скромность:

— Да нет, пустяки, у нас тут все такие.

Я: — …

Он опустил руку, снова уставился на меня и спустя мгновение изрек с глубокомысленным вздохом:

— Вы, южане —

Я прервал его:

— Нельзя ли прекратить дискриминацию южан?

Он опешил и с наивнейшим видом произнес:

— Никого я не дискриминирую. Просто считаю вас очень милыми… такими крохами.

Говоря это, он изобразил руками размер средней кошки.

— Во-первых, я не такая уж кроха; во-вторых, то, что мал я, вовсе не значит, что все южане такие; в-третьих, моя мать высокого роста, отец тоже высокий, а низкий я сейчас исключительно потому, что недоедаю. Мне всего девять лет, генетика на месте, впереди еще десяток лет роста, глядишь, еще выше тебя стану. То, что ты вымахал в детстве, вовсе не гарантия того, что продолжишь расти дальше, у некоторых прыжок бывает только на старте, а потом ресурсы организма исчерпываются. Не исключено, что ты так и останешься нынешнего роста на всю жизнь!

Я не должен был срываться, мал терпением — сорвешь великие замыслы. Но почему-то удержаться не вышло, мне так дико захотелось его уколоть. Скорость речи вмиг вышла из-под контроля.

Он снова замер, выражение его лица стало еще более невинным. Хлопая ресницами и придерживая ладонью серп на поясе, он поинтересовался:

— Вы, южане, всегда так быстро разговариваете? Словно из пулемета лупите, я ни слова не разобрал.

— … — покосившись на сверкающее лезвие у него на поясе, я сбавил темп, одновременно смягчив тон и подбирая выражения: — Не все южане мелкие. Я маленький только из-за

недоедания.

Он недоверчиво переспросил:

— Ты столько всего наговорил, и всё ради этой фразы?

Пока он задавал вопрос, его пальцы продолжали нервно теребить рукоять серпа.

Дерущаяся шпана убегала с воплями о том, что псих снова принялся за убийства.

Слово «снова».

Глядя на его руки, я медленно произнес:

— Да. Мы, южане, любим добавлять в речь множество украшений и междометий, можешь не обращать внимания.

Проследив за моим взглядом, он опустил глаза на собственные руки и предмет, за который держался, чуть приподнял брови и поднял на меня взгляд. Спустя пару секунд он резким движением выдернул серп и протянул ко мне.

Я инстинктивно отшатнулся на пару шагов назад.

— Эй —

В этот момент, отзываясь на оклик, я неудачно оступился и брякнулся на землю, разом соображая, от чего же больнее — от подвернутой лодыжки или от отбитого зада. Впрочем, реши он полорнуть меня серпом, больнее всего наверняка оказалось бы в месте удара.

— Эй… — он снова подал голос, замялся, отбросил серп в сторону на пару метров и посмотрел на меня: — Теперь не боишься? Я же пошутил.

Я молчал.

Он подошел, присел передо мной на корточки и протянул руку к моей лодыжке.

Я осторожно дернулся, но без особой прыти.

Черт поймет, что у него на уме, вздумай он взбрыкнуть — и мне конец.

— Посиди смирно, — он пощупал мою щиколотку и поднял глаза: — Подвернул? Шевелить можешь? Болит?

Я слегка пошевелил стопой:

— Терпимо… в порядке.

— Раз в порядке, и славно, — он разжал пальцы, помог мне подняться и добавил: — Я и впрямь просто шутил, смотрю — ты всё пялишься на него, вот и забавно стало. Чего ты испугался, я же не собираюсь тебя калечить. Мало ли что та шпана орала, по-твоему, кто из нас тут хороший человек — они или я?

Кто знает, может, никто из вас…

Разумеется, вслух я такого не сказал, дураком не был.

Он подчеркнул:

— Не бойся, я не плохой.

Я медленно кивнул.

Он — нож и разделочная доска, я — рыба на разделки, оставалось лишь соглашаться со всем. Скажи он хоть сейчас, что приходится мне прапрадедом, я бы и то кивнул.

Поглядев на меня еще немного, он со вздохом, полным глубокой скорби, вдруг засунул большие пальцы обеих рук за уголки рта и потянул вверх, одновременно оттягивая уголки глаз указательными пальцами, склонился надо мной и принялся страшно гримасничать, издавая дикие звуки: а-а-а.

Я: — …

Он: — …

Я: — …

Он: — …

Густая неловкость повисла в воздухе.

Выдержав паузу, он опустил руки, вернул лицу привычное выражение, облизнул пересохшие губы, сглотнул слюну и отвел глаза в сторону.

Секунд через десять, стоя ко мне затылком, он бросил:

— Вы, южане… на редкость рано взрослеете.

http://bllate.org/book/22057/2293524